

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

.....

.....

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

.....

Патриция Вентворт

На краю пропасти

Серия «Мисс Сильвер», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38578668

П. Вентворт. На краю пропасти: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2018

ISBN 978-5-17-135731-3

Аннотация

Маленькая деревушка на берегу моря потрясена жестоким убийством: кто-то столкнул с крутого обрыва девушку, никогда и никому не делавшую зла. Ревнивый поклонник? Тайная соперница?

Полиция отменяет одну версию за другой, пока наконец к расследованию не подключается Мод Сильвер. Лишь она обращает внимание на клетчатый жакет, который был на жертве, – необычайно дорогая вещь для скромной провинциалки. Возможно, подарок? Но... чей? И не окажется ли он единственной зацепкой, способной привести к убийце?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	56
Глава 10	66
Глава 11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Патриция Вентворт

На краю пропасти

Patricia Wentworth

Danger Point

© Patricia Wentworth, 1942, 1943

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

*Все персонажи книги вымышленные. События,
описываемые в романе, происходили в конце лета
1939 года.*

Глава 1

Мисс Мод Сильвер оглядела толпу на перроне и порадовалась своему везению: она с удобством расположилась в углу купе, против хода поезда, чтобы копоть не летела в лицо. На соседнем сиденье лежал журнал, подарок племянницы.

Пожилая дама с добродушной улыбкой рассматривала семейства, снующие по платформе. В голове мисс Сильвер, неисправимой викторианки, вертелась подходящая случаю цитата: «Голос, гудок, разговор полуночный...»

До полуночи было далеко, стояло ясное июльское утро, но точность в поэзии – дело десятое.

Голос, гудок, разговор полуночный, и снова
Лишь пустота и молчанье —
Во тьме разминутись суда...¹

Разумеется, в переносном смысле. Мисс Сильвер надеялась, что процитировала верно.

Ах ты, Господи, вот так толпа! В праздники никому не сидится на месте. Она и сама провела в Уайтстоне чудесные две недели с Этель и детьми. После хитроумного дела с ядовитыми гусеницами было весьма утешительно передохнуть

¹ Мисс Сильвер неточно цитирует поэму Г. У. Лонгфелло «Рассказы придорожной гостиницы». – *Здесь и далее примеч. пер.*

в кругу семьи. Целыми днями мисс Сильвер просиживала на пляже, успев связать очаровательному пухлому карапузу три пары носков и курточку. Она превосходно отдохнула, а то обстоятельство, что гусеницы у моря не водятся, добавляло отдыху очарования.

Тучная мамаша с решительностью танка протискивалась сквозь толпу. Один из трех ее отпрысков что-то нес в корзинке. Повозившись с задвижкой, мальчишка приподнял крышку, из корзинки молнией шмыгнул черный котенок – и был таков.

– Ах ты, Господи! – повторила мисс Сильвер, одобряя крепкий подзатыльник, который мамаша отвесила сорванцу. Семейство дружно бросилось догонять котенка, и мисс Сильвер потеряла их из виду.

Похоже, в отличие от мисс Сильвер остальные пассажиры не собирались возвращаться в Лондон этим поездом. Что ж, если на ее купе никто не покусится, поездка и впрямь удалась. Впрочем, в подобное везение верилось с трудом. Мимо ее окон торжественно, словно по безлюдной, продуваемой ветрами вересковой пустоши, прошествовал худой верзила: голова и плечи возвышались над толпой, на лице застыла печаль. За ним следовали две юные болтушки в серых брючках и кричащих безрукавках: напмаженные губки блестели, изящно уложенные пряди отливали золотом. Суровая накрахмаленная бонна сопровождала малютку в небесно-голубом матросском костюме. Дитя вертелось, вцепившись в но-

вехонькое ведерко для песка, светлые волосы курчавились, голые плечи и голени покрывал бронзовый загар.

По всему выходило, что никто не собирался набиваться мисс Сильвер в попутчики.

Пожилая дама опустила глаза на часики, приколотые к коричневой шелковой блузе золотой брошью. Часики подтвердили догадку: поезд готов отбыть. Ее костюм состоял из неброского чесучового пиджака и юбки, строгих черных туфель и коричневой шляпки с букетиком резеды и пурпурных анютиных глазок. Серые вязанные перчатки покоились на коленях мисс Сильвер рядом с выдавшей виды черной сумочкой. Под шляпкой обнаруживались мышиного цвета волосы, блеклая кожа и приятные черты немолодой уже дамы. Горло украшала крупная брошь-камея с головой греческого воина; нитка бусин мореного дуба дважды изящно обвивала шею и спускалась к поясу, позвякивая о пенсне на тонком черном шнурке.

Раздался свисток, поезд дернулся, кто-то закричал. Дверь купе распахнулась. Второй рывок. Высокая девушка в сером костюме вскочила в купе. Третий рывок швырнул ее на мисс Сильвер, но та была начеку: поддержала незнакомку, захлопнула дверь. Лайл Джернинхем обнаружила, что над ней склонилась особа, похожая на отошедшую от дел гувернантку, а голос, напоминавший о классной комнате, действительно советовал ей не пренебрегать безопасностью, «а также правилами железнодорожной компании», запрыгивая в поезд на

ходу. Голос шел издалека, с той стороны бездны, отделившей Лайл от прочих живых существ. Там, далеко-далеко, осталась ее классная комната, и похожий голос твердил: «Не хлопай дверью, Лайл. Сядь, дорогая, да поровнее, не разваливайся. А когда я говорю, слушай внимательно». Все ушло, все осталось по ту сторону бездны...

– Это крайне опасно, – серьезным тоном увещевала незнакомку мисс Сильвер.

Лайл подняла глаза.

– Опасно, наверное. Впрочем, не все ли равно?

Маленькая чопорная гувернантка с прямой спиной сидела в углу купе в старомодном наряде и шляпке давно забытого фасона, и Лайл вполне могла бы дотронуться до нее, но на самом деле и мисс Сильвер, и ее голос были далеко.

– Не все ли равно, – повторила Лайл устало и откинулась на спинку сиденья.

Мисс Сильвер молча изучала незнакомку. Высокая и тоненькая пепельная блондинка с молочно-белой кожей, скорее скандинавского, чем английского типа. Не голубоглазая, как полагалось бы англичанке с таким цветом волос, – глаза незнакомки, бездумно следившие за пролетающим пейзажем, были чистейшего серого цвета, ресницы – на несколько тонов темнее волос. Тонкие золотистые брови причудливо изгибались словно расправленные крылья. Из-за них лицо казалось бледным как полотно. Мисс Сильвер подумала, что впервые видит такой цвет лица у живых.

Серый шерстяной костюм превосходного кроя отличала недешевая простота; костюм дополняла фетровая шляпка, небрежно завязанная синей лентой, серая сумочка с инициалом Л, тонкие чулки, дорогие серые туфли. Мисс Сильвер хватило беглого взгляда, чтобы оценить наряд незнакомки. Затем взгляд скользнул к рукам без перчаток, задержался на платиновом обручальном кольце и успокоился на собственных коленях, обтянутых дешевой чесучой. Изощренный ум вынес заключение, уместившееся в трех определениях: не в себе – при деньгах – замужем.

Закончив наблюдения, мисс Сильвер обратилась к журналу, которым столь любезно снабдила ее в дорогу Этель, но не продвинулась дальше трех страниц. Взгляд пожилой дамы утратил проницательность, стал рассеянным.

Спустя некоторое время мисс Сильвер захлопнула журнал и повернулась к незнакомке:

– Не хотите полистать?

Серые глаза неохотно встретили ее взгляд. Мисс Сильвер оценила усилие, которое пришлось предпринять попутчице, ибо эти глаза не видели плоских зеленых полей, разливов, изгородей на клеточки одинакового размера, пролетающих все быстрее, по мере того как поезд набирал скорость. По правде сказать, не видели они и саму мисс Сильвер.

Отбросив уловки, пожилая дама спросила напрямик:

– Что-то случилось? Могу я помочь вам?

Ее голос, участливый и властный, достиг ушей Лайл Джернинхем – голос, но не слова. Слова значили не больше, чем стук вагонных колес. И все же взгляд стал более живым и осмысленным.

– Вы очень добры, – сказала Лайл.

– Кажется, вы пережили сильное потрясение.

Это прозвучало как утверждение, не как вопрос.

– Откуда вы знаете?

– И бежали сломя голову.

– Откуда вы знаете? – переспросила Лайл жалобно.

– Это лондонский поезд. Вы не сели бы в него без перчаток, если бы не спешили. Перчаток нет и в сумочке – иначе у нее выпирали бы бока.

Уверенный голос успокаивал, заставлял забыть страхи.

– Сломя голову, – отозвалась Лайл горестным эхом.

– Почему? – спросила мисс Сильвер.

– Говорят, он хочет меня убить, – ответила попутчица.

Мисс Сильвер не выказала ни удивления, ни недоверия. Ей было не впервой выслушивать чужие откровения. Более того, это было ее профессией.

– О Господи, кто? Кто хочет вас убить?

Лайл Джернинхем ответила:

– Мой муж.

Глава 2

Мисс Сильвер всмотрелась в попутчицу. Зачастую подобные обвинения – признак психической неуравновешенности. Ей уже случалось иметь дело с манией преследования, впрочем, как и с покушениями на убийство. Нередко только ее вмешательство оставляло убийцу ни с чем.

Однако Лайл Джернингем не была похожа на сумасшедшую, скорее всего ее рассудок лишь временно помутился от горя. Так бывает: шок притупляет боль.

Эти размышления заняли несколько секунд.

– Ах ты, Господи! – снова повторила мисс Сильвер. – Вы уверены, что муж?

Лицо попутчицы осталось бесстрастным.

– Так говорят, – механически ответила она.

– Кто?

– Не знаю, я стояла за изгородью...

Голос задрожал. Глаза Лайл оставались открытыми, но она больше не видела мисс Сильвер: перед ней снова встала низкая тисовая ограда, усыпанная кроваво-красными колокольчиками с зелеными язычками. Солнце немилосердно припекало спину, в нос бил терпкий аромат тиса. Она рассматривала одну из кроваво-красных ягод, покрытых пушком, и внезапно услышала голоса.

«– Понимаешь, разное болтают... – нарочито медленно

протянул незнакомый низкий голос.

– Дорогая, ты можешь мне довериться! – взволнованно перебил другой.

И снова в разговор вступил первый голос».

Очнувшись, Лайл обнаружила, что сидит в купе поезда напротив маленькой чопорной дамы. Возможно, если она будет говорить, голоса в ее голове замолчат?

И Лайл продолжила:

– Сначала я не поняла, что они обсуждают Дейла. Подслушивать дурно, но я не устояла.

Мисс Сильвер открыла сумочку, спрятала журнал и как ни в чем не бывало занялась серым носком для старшего сына Этель. Металлические спицы замелькали в маленьких пухлых ручках, а мисс Сильвер между тем заметила:

– Как я вас понимаю! Дейл – ваш муж?

– Да.

Для Лайл разговор был таким облегчением!.. Собственный голос заглушал голоса, звучащие в ее голове. Но когда Лайл замолкала, они снова вступали, упрямо, раз за разом, словно заевшая грампластинка. Стоило ей замяться, и голоса ворвались в уши, а запах нагретого солнцем тиса ударил в ноздри.

«– Этот несчастный случай ему весьма на руку, – со смехом протянул первый голос.

– Дейлу Джернинхему всегда везло, – последовал жестокий ответ».

Так Лайл поняла, что говорят о Дейле.

– Я ни о чем не догадывалась, – пробормотала она еле слышно, – пока она не сказала...

– Не сказала чего, милочка? – Пожилая дама перевернула носок.

Лайл не сознавала, что беседует с мисс Сильвер, – просто не могла больше слышать назойливые голоса.

– Они говорили, Дейлу повезло, что его первая жена погибла. Ему едва исполнилось двадцать, а она была старше и очень богата, ну, вы понимаете. Мол, если бы не этот брак, Дейлу пришлось бы продать Тэнфилд. Не знаю, я ничего не знаю! Ее звали Лидия. Они говорили, что он не любил жену, а она его обожала и завещала мужу все деньги, но спустя месяц погибла в Швейцарии. И будто бы без ее наследства Дейл потерял бы Тэнфилд. Не знаю, я ничего не знаю!

Мисс Сильвер пристально всмотрелась в собеседницу: застывшая маска вместо лица, ни красок, ни жизни, ровный механический голос. Кажется, дело не только в давнем несчастном случае с первой женой.

– Я большая почитательница лорда Теннисона, – заметила мисс Сильвер вслух. – Жаль, что ныне он почти забыт; впрочем, его время еще придет. «Нет лжи страшнее полуправды»² – вот о чем следует помнить, услышав злую сплетню.

Смысл слов ускользал от Лайл, но мягкий уверенный тон попутчицы успокаивал.

² Альфред Теннисон, «Стансы».

– Вы считаете, они лгут?

– Откуда мне знать, милочка.

– Она упала, разбилась, я не знала ее, это было так давно.

А они говорят, ему повезло...

На мгновение спицы остановились.

– Но ведь это не все, что вы услышали?

Рука Лайл метнулась к лицу. Если она замолчит, голоса вернутся; уж лучше болтать без умолку, хотя тогда придется сказать и о том, что заставляет сердце сжиматься от боли.

– Еще они говорили, – запинаясь пробормотала Лайл, – что ее деньги спасли Тэнфилд. А Дейл уверяет, что все его сбережения уничтожила Депрессия. А потом... потом они сказали, что теперь он зарится на мои...

– А вы богаты?

Серые глаза равнодушно скользнули по лицу мисс Сильвер, бледные губы прошептали:

– Да.

– И вы завещали мужу все свое состояние?

– Да.

– Когда?

– Две недели назад. Мы женаты полгода.

Мисс Сильвер молча вязала. В ушах Лайл Джернинхем снова зазвучал нарочито протяжный голос:

«– Деньги вложены в дело, но если с ней что-нибудь случится, Дейлу не составит труда их заполучить.

И второй, полный злобы:

– Еще один несчастный случай?»

Нахлынула боль, сметая оцепенение. Уж лучше самой повторять эти страшные слова, чем слышать их в своей голове! Задыхаясь, Лайл пролепетала:

– «Еще один несчастный случай?» Понимаете, Дейлу нужны деньги на содержание Тэнфилда. Я не слишком жалую это поместье, оно такое громадное, Мэнор куда больше похож на дом. Почему бы не продать Тэнфилд, спросила я как-то Дейла. А он заявил, что его семья жила тут веками. И мы поссорились. Но он никогда бы...

– Расскажите про несчастный случай, – попросила мисс Сильвер.

– Я чуть не утонула. Дейл, Рейф и Алисия плескались на мелководье и не слышали моих криков. Они говорят...

В уши громовым раскатом ворвался голос незнакомки за изгородью:

«– Еще один несчастный случай?

Ему вторил другой:

– Ее вытащили из моря, как слепого котенка. Дейл готовился повторно стать безутешным вдовцом, а она не утонула и он остался без денег. Впрочем, еще не вечер.

– Но кто осмелился ему помешать? Кто ее бестактный спаситель?

– Не Дейл, – протянул первый голос».

Рука Лайл упала на колени. Голоса одерживали верх.

Издалека до нее донеслись слова мисс Сильвер:

– Вы ведь не утонули. Кто вас спас?

– Не Дейл, – ответила Лайл Джернинхем.

Глава 3

У поворота на Крэнфилд-Холт поезд замедлил ход. Иногда он проезжал мимо, но сегодня собрался затормозить. На открытой загородной платформе стояли пассажиры, причем четверо явно нацелились на купе, в котором мисс Сильвер надеялась продолжить захватывающую беседу. Пассажиры – цветущая говорливая мамаша с тремя отпрысками от шести до шестнадцати, едущие навестить городских родственников, – втиснулись между ней и ее бледнокожей попутчицей. Купе наполнилось возгласами, суждениями, замечаниями и восторгами.

Лайл Джернингхем откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. И зачем только она поехала в Маунтсфорд? Крейны не ее друзья, они приятели Дейла. В последний момент муж передумал, и ей пришлось отправляться одной. Какие-то дела в Бирмингеме, деньги Лидии, не бог весть сколько, теперь она знает. Деньги Лидии... Нет, нельзя думать о Лидии.

Хозяин, мистер Крейн – шумный гостеприимный толстяк, – нравился Лайл, но под взглядом миссис Крейн ей всегда хотелось стереть с лица воображаемую сажу. Миссис Крейн, как и большинство женщин, была без ума от Дейла и осуждала его выбор. Преданная мужу, миссис Крейн не желала отказываться от преданности поклонников. Ей требовались обожатели, а Дейл не оправдал ее надежд, женившись

на Лайл. Неудивительно, что миссис Крейн недолюбливала его молодую жену.

Дейл не должен был отпускать ее в Маунтсфорд, а ей не следовало ехать в одиночку. И она не стояла бы у ограды под палящим солнцем, вдыхая терпкий аромат тиса, слушая, как незнакомый голос произносит: «Несчастный случай был ему на руку».

Усилием воли Лайл отбросила прочь неотвязные мысли. Вчера она проводила Дейла, прошлась по магазинам и пообедала с Хильдой. А потом душный поезд повез ее в Маунтсфорд. Лайл до последнего тянула с отъездом, долго укладывала платья.

Она представила себя в серебристом наряде и изумрудах, оставшихся от матери. Обычно изумруды придают глазам зеленоватый оттенок, но ее глаза никогда не меняли цвет. Было в ней что-то неподвластное обстоятельствам. Этого не одолеть даже Дейлу. Даже если Дейл задумал ее убить.

Нет, о Дейле тоже нельзя думать. Ужин удался на славу. Болтовня мистера Крейна, которого нисколько не заботило, смеются ли гости над его шотландскими анекдотами. Толпа незнакомых людей. Толстяк, который зазывал ее посмотреть на розы при лунном свете, а когда она заметила, что ночь нынче безлунная, усмехнулся: «Тем лучше». Бридж, наводящий тоску. Наконец она оказалась в постели; ей снился Дейл. Он смотрел на нее, смеялся, они целовались... Нет, нельзя о нем думать.

Но мысли упрямо возвращались к Дейлу.

Превосходное утро, дымка над морем почти рассеялась, обнажив яркую синеву. Лайл стоит, скрытая изгородью, солнце припекает спину.

«Несчастный случай был ему на руку...»

Мисс Сильвер отложила вязанье и вновь взялась за журнал. Фотография в полный рост привлекла ее внимание еще раньше. Красавица в серебристом платье, внизу подпись курсивом: «Очаровательная миссис Дейл Джернинхем в своем элегантном наряде». Вокруг извивались строчки разной длины. Письмо, начинавшееся обращением «Дорогая читательница», заканчивалось подписью «Искренне ваша» и большим вопросительным знаком. Автор письма знал или слишком много, или, напротив, ничтожно мало. Анонимность давала ему возможность не стесняться в выражениях. После первого упоминания мистера Дейла Джернинхема автор панибратски звал его не иначе как Дейлом:

«Счастливчик, которому повезло не только владеть Тэнфилд-Кортом (чтобы содержать поместье, требуется целое состояние), но и заполучить двух богатеньких женушек – нет-нет, не сразу, не подумайте превратно. Везунчик Дейл овдовел на удивление рано. Его первый трофей, несчастная Лидия Берроуз, погибла при восхождении на гору в Швейцарии. Богата ли нынешняя миссис Джернинхем, урожденная Лайл ван Декен? Помилуйте, а вы как думали? А еще она хо-

роша собой – в жизни даже красивее, чем на фотографии. От американского папаши ей достался изрядный капиталец, а от скандинавской бабки – неправдоподобно прекрасные платиновые локоны. Можете не сомневаться...»

Мисс Сильвер возмущенно поджала губки. Что за невыносимая вульгарность! Куда катится пресса! Пожилая дама посмотрела на Лайл: та откинулась на сиденье, но не спала, поглощенная горькими мыслями. Костяшки стиснутых пальцев побелели.

Поезд начал замедлять ход. Лайл открыла глаза и встретила внимательный взгляд мисс Сильвер. Они долго смотрели друг на друга, затем веки Лайл снова закрылись.

Мисс Сильвер расстегнула сумочку и вытащила аккуратную карточку, на которой значилось:

«Мисс Мод Сильвер
Частные расследования
Монтегю-Мэншнс, 16
Уэст-Лиам-стрит, Ю.З.».

Затем решительно захлопнула сумочку, и в этот момент поезд вполз под вокзальные своды. Носильщик распахнул дверцу. Почтенная мамаша в сопровождении отпрысков выплыла из купе. Миссис Дейл Джернингем встала, собираясь последовать за ними.

Однако не успела она ступить по платформе и нескольких шагов, как почувствовала на локте чьи-то пальцы. Низенькая полноватая дама, с которой она разговаривала в купе, шла рядом. Лайл уж не помнила, о чем они говорили, и не горела желанием продолжить беседу. Она рассеянно приняла и сунула в сумку аккуратную карточку. Заботливый голос гувернантки отчетливо произнес:

– Если понадобится помощь, здесь мое имя и адрес.

Чужие пальцы больше не сжимали ее локоть. Лайл не оглядываясь поспешила к турникету.

Глава 4

Солнце заливало теннисные корты Тэнфилд-Корта. Всего в поместье их было три: два покрытых превосходным дерном и один травяной. Заросли граба, падуба и боярышника почти закрывали их от солнца, делая невидимой для игроков громаду дома, – из листвы торчали лишь башенки по обеим сторонам фасада.

На дальнем травяном корте Алисия Стейн и Рейф Джернингем яростно сражались за каждый сет. Мяч, задев сетку, упал на стороне Рейфа; тот после отчаянного броска растянулся на газоне. Алисия подбросила ракетку в воздух.

– Игре конец! – звонко воскликнула она.

Рейф встал с травы, посмотрел на смеющуюся Алисию. Она была невысокой и худенькой, словно дитя; черные кудряшки волос, смуглое своенравное лицо. Сияя крепкими белоснежными зубами, раскрасневшаяся Алисия обошла сетку, размахивая ракеткой.

– Сам видишь, ты обречен мне проигрывать! – Она капризно сложила губки, посылая Рейфу воздушный поцелуй. – А знаешь почему? Просто я лучше играю и никогда не выхожу из себя.

Рейф расхохотался. Смуглый, как Алисия, невысокий и худощавый, он был очень красив, слегка на цыганский лад. Тонкие черные брови элегантно изгибались, загорелые, тон-

ко очерченные уши слегка заострились на концах, как у фавна. Сходство было неслучайным – Рейф с Алисией унаследовали внешность и белоснежные зубы от бабушки.

Сверкнув улыбкой, Рейф заметил:

– Я тоже никогда не выхожу из себя.

– Так уж и никогда?

– Никогда.

– Даже про себя? Мужчины не терпят поражений, особенно от женщин.

– Даже про себя.

Неожиданно Алисия отшвырнула ракетку.

– А вот я часто выхожу из себя, и меня не заботит чужое мнение. Только я приберегаю злость для чего-нибудь посерьезней игры.

– Например?

Алисия нахмурилась, но Рейф продолжал дразниться:

– Любишь, когда все идет по-твоему, даже в игре? А если нет – пиши пропало?

Алисия вспыхнула:

– Неправда!

– Неправда?

– Конечно, нет!

– Хотя надо признать, – улыбнулся Рейф, – верховодить – твоя стихия.

Румянец исчез со щек Алисии.

– Когда получается.

Она резко развернулась и пошла за ракеткой. Рейф смотрел ей вслед, насмешливо скривив тонкие губы. Его забавляло, что своенравная Алисия, привыкшая получать все, что пожелает, бессильна настоять на своем, когда дело касается его кузена Дейла. В девятнадцать она легко могла получить желаемое, но Дейл был беден, зато сэр Роулэнд Стейн, напротив, богат. Бесприданница Алисия бросила Дейла и вышла за Стейна. Сама виновата, к тому же прошло десять лет, все давно былшем поросло.

Дейл женился на Лидии Берроуз под давлением обоих семейств, а когда унаследовал деньги Лидии, Алисия звалась леди Стейн. Это казалось Рейфу особенно забавным.

Что, если бы Роулэнд попал в аварию на пару месяцев раньше? Когда в газетах появился некролог, помолвка Дейла с Лайл ван Декен уже состоялась. Свадьбу сыграли прежде, чем Алисия получила вожденную свободу.

Она вернулась, размахивая ракеткой и сверкая глазами.

– Не смотри на меня так! Ненавижу тебя!

Улыбка Рейфа стала еще шире.

– Ты не похожа на безутешную вдову.

Алисия расхохоталась.

– Думаешь, мне пошел бы траур?

– Ты нравишься мне какая есть.

– Не верю.

– Да я тебя просто обожаю!

Алисия покачала головой.

– Ты никого не любишь, кроме себя и Тэнфилда. И Дейла. А вот Лайл терпеть не можешь. Что до меня, то иногда мне кажется, меня ты просто ненавидишь.

Рейф обнял кузину за талию, приблизил губы к ее уху и страстно прошептал:

– Ты сама не веришь ни одному своему слову!

– Напротив!

Рейф прижался щекой к ее щеке.

– Ах, моя дорогая!

– Похоже, ты и впрямь меня ненавидишь.

– Особенно сейчас, когда сжимаю в объятиях.

Отпрянув, Алисия тут же залилась смехом.

– Ты только притворяешься, будто за мной ухлестываешь.

А я возьму и упаду в твои объятия!

– Я не возражаю.

– А сплетен не боишься? – Алисия снова рассмеялась. – Дурачок ты, Рейф. Когда-нибудь влюбишься всерьез, и тебе станет не до шуток.

На его лице появилось странное выражение.

– Что ж, готов начать прямо сейчас. Кстати, с чего ты решила, будто я терпеть не могу Лайл?

– Потому что это правда, – дразнясь, протянула она.

Рейф нахмурился.

– Нет, ты ошибаешься, я без ума от Лайл. Я принял бы любую избранницу Дейла, но Лайл такая душка! И как раз в моем вкусе – я падаю на высоких блондинок. С чего бы мне

ее не любить?

– Потому что она не любит Тэнфилд.

Рейф рассмеялся.

– Кто ж его любит? Эдакую обузу.

Алисия кивнула.

– Ты не любишь Тэнфилд, ты его обожаешь.

Он покачал головой.

– В детстве обожал, не спору. Дети без ума от сказочных замков. Но с годами умнееешь, становишься практичнее. Содержать в наши дни такое поместье – верное разорение. Стоит бросить беглый взгляд на семейную историю, чтобы в этом убедиться. Пятеро из семи последних Джернинхемов женились на богатых наследницах, а что толку? У меня нет ни пенса. Дейл давно сидел бы на мели, если бы не наследство Лидии. Тэнфилд поглотил и его, а теперь разевает пасть, зарясь на деньги Лайл.

– Она ненавидит это место. Больше всего на свете ей хотелось бы от него избавиться.

– Мне тоже. Это единственный выход. Мэнор гораздо удобнее и во сто крат красивее. Обладай Дейл хоть каплей здравого смысла, давно принял бы предложение Тэтема – не станет же тот ждать всю жизнь! Беда в том, что здравый смысл отказывает Дейлу, когда речь заходит о Тэнфилде. Наше семейство живет здесь последние пятьсот лет, и Дейл одержим мыслью, что следующие пятьсот поместье останется в руках Джернинхемов. Ради этого он пойдет на все.

Алисия с удивлением смотрела на Рейфа. Все его легкомыслие как рукой сняло. Против воли Алисия была слегка озадачена.

Она обернулась лицом к дому. Солнце отражалось в окнах башенок. Остальное Алисия дорисовала в своем воображении: длинный фасад с портиком постройки восемнадцатого века, два крыла, окружавшие мощный дворик, в котором каменные львы охраняли бассейн с фонтаном и лилиями.

– Послушать тебя, так это не дом, а колесница Джаггернаута.

Рейф Джернинхем натянуто рассмеялся.

– Колесница Джаггернаута давила своих почитателей, дорогая моя. Надеюсь, Тэнфилд-Корт будет стоять где стоит.

Глава 5

Две парадные гостиные Тэнфилд-Корта выходили на низкую террасу, широкие ступени которой спускались к знаменитому итальянскому дворику. Лайл Джернингхем ненавидела эти два акра арабесок и геометрических узоров, бездушных, утыканных кипарисами и статуями, засаженных цветами, такими ухоженными, что казались искусственными. За пределами двора природа брала свое: поначалу укрощенная в виде дерна и подстриженных деревьев, но чем дальше, тем гуще становились кусты и раскидистей ветви. Дед нынешнего хозяина поместья любил деревья – собственноручно посаженные им буки, платаны, дубы и клены разрастались год от года. Прижились в усадьбе и кипарисы с золотистыми кончиками ветвей, и темно-изумрудные кедр, и редкие гималайские деодары.

Гуляя по хвойной аллее, Лайл ждала возвращения мужа. Страхи остались в прошлом, румянец снова играл на щеках. Лайл нашла в себе мужество с легкостью думать о вчерашних переживаниях. Она вспоминала о своем поведении с изрядной долей стыда. Дейл отослал ее к Крейнам на выходные, а она переночевала в гостях и вернулась. Теперь муж рассердится и потребует объяснений.

Лайл бродила между деревьями, раздумывая над тем, что скажет Дейлу. Проще всего солгать, что почувствовала недо-

могание. Рейф и Алисия, испуганные вчерашней бледностью Лайл, подтвердят ее слова. Но Лайл не привыкла к вранью. Ложь была ей отвратительна, а лгать Дейлу противно вдвойне. А значит, придется говорить правду. Немыслимо!

«Я слышала из-за изгороди разговор двух незнакомых женщин. Они сказали, что Лидия погибла, потому что тебе были нужны ее деньги, и что я буду следующей».

Она вздрогнула, вспомнив, как холодная вода поднималась все выше и выше, заливая подбородок, губы, глаза. Это случилось совсем недавно, десять дней назад!

Лайл вышла на поляну, подставив лицо солнечным лучам. Нет, она никогда не солжет Дейлу, но и правды не скажет.

Она обернулась навстречу мужу – и в тот же миг все страхи вылетели из головы. С самой первой встречи вид Дейла заставлял сердце Лайл трепетать. Походка, наклон головы, уверенный голос, улыбка, которую муж приберегал для нее одной. Глаза у Дейла были светлее, чем у кузена, а кожа бледнее, чем у Рейфа и Алисии. Те отличались изящным сложением – Дейл был крепок и статен. Когда он обнимал ее, Лайл ощущала себя хрупкой и беззащитной, но до сих пор его объятия рождали не страх, а радостную дрожь.

Он поцеловал ее, и Лайл ответила на поцелуй, ощутив незнакомый холодок, и с облегчением отстранилась, ловя ртом воздух.

– Дейл, я не могла там больше оставаться...

– Я вижу.

Не сердится. Пока не сердится. Если она найдет верные слова, все обойдется, но она способна только беспомощно лепетать...

– Мне так захотелось домой...

Рука Дейла легла на плечо, придавила своей тяжестью.

– Почему?

– Дейл...

Лайл хотела спрятать лицо, но он развернул ее к себе и строго спросил:

– Что происходит? Вечером я позвонил Крейнам. Мэриан сказала, что ты уехала утром, получила какую-то телеграмму. Ты говорила ей про телеграмму?

– Да.

– Что за телеграмма?

– Дейл, ничего я не получала...

Нет, она не станет ему лгать.

– Тогда почему ты вернулась?

Впервые с начала разговора Лайл осмелилась поднять глаза на мужа. В них застыли решимость и грусть.

– Я не хочу об этом говорить.

– Что за глупости! Рассказывай!

– Дейл...

– Да что с тобой происходит? Крейны – мои друзья. Ты собиралась гостить у них все выходные, а вернулась наутро. Объяснись, пожалуйста. Вы с Мэриан поссорились?

От облегчения щеки Лайл порозовели.

– Нет! Ты же знаешь, я не люблю ссор.

Она отстранилась – и он отпустил ее.

– Мне нечего делить с миссис Крейн. После завтрака я вышла в сад и случайно услышала разговор двух женщин. Я их не узнала, гостей был полон дом...

– О чем шла речь? – небрежно спросил Дейл.

Лайл охватило болезненное любопытство: что он ответит, если она осмелится? Но она никогда не осмелится, от одной мысли перехватывает дыхание...

– Я их не узнала...

– Ты повторяешься. Я хочу знать, что именно они сказали.

О Господи, чего она мнется? Наверняка все эти страдания из-за того, что ей нашептали какие-нибудь глупости про него и Мэриан. Дейл не отличался мягким нравом. И то, что она раздувает из мухи слона, злило его. Увидев, как темнеет лицо мужа, Лайл поспешно ответила:

– Я понимаю, это глупо, но я не хотела с ними разговаривать, не хотела их знать. Пойми же, Дейл! Они говорили ужасные вещи, и я не хотела с ними... с ними общаться, а если бы я осталась, мне пришлось бы, ведь я запомнила их голоса. Неужели ты не понимаешь?

Дейл нахмурился.

– Пока нет, но надеюсь понять. Ты так и не ответила, о чем именно они говорили. Их речи так повлияли на тебя, что ты не постеснялась обидеть моих друзей. Поэтому я жду ответа: что они сказали?

Лайл побледнела.

— Они говорили о Лидии. Дейл, пожалуйста, не злись! Меня так потрясли их слова, что я не смогла там остаться!

— О Лидии? — удивился Дейл. — Так вот оно что. А при чем тут Лидия? Какая-то бессмыслица! Что они сказали?

— Они сказали, — неожиданно севшим голосом пролепетала она, — что с ней произошел несчастный случай...

Глаза мужа сверлили ее из-под насупленных бровей.

— Тоже мне новость!

Рука Лайл взлетела к лицу.

— Не новость, но они сказали...

Где та граница, которую она так боится переступить? Дейл ждал, и Лайл выдавила:

— Что несчастный случай был тебе на руку...

Лайл не могла смотреть на Дейла — глаза слепило от слез. Сердце колотилось в горле.

На мгновение стало очень тихо. Тишину нарушил спокойный голос Дейла:

— И это все? Старая история. Я думал, с ней давно покончено. И незачем было нестись оттуда сломя голову.

Лайл посмотрела на мужа и испугалась. Ей и раньше случалось видеть Дейла в гневе, но сейчас к гневу примешивалось ледяное презрение. Неужели оно адресовано ей? Ей, поверившей клевете и позорно бежавшей из дома его друзей! Хорошо хоть он не пытается выведать остальное! Ей пришлось бы рассказать ему все без утайки. Если Дейл узнает

настоящую причину ее побега, между ними все будет конечно.

Дейл отошел от нее, но сразу же вернулся.

– Тебе следует научиться владеть собой, – ровно сказал он. – Глупо терять над собой контроль всякий раз, когда кто-то скажет тебе гадость. Люди порой и сами не верят своим ядовитым речам, но их яд все равно отравляет. Нельзя всю жизнь шарахаться от того, что тебе не по нраву, иначе нам придется коротать жизнь в одиночестве. Надеюсь, Мэриан не затаила зла, но тебе придется сочинить причину убедительнее, чем телеграмма. Я жалею, что позвонил, ты могла бы соврать, что телеграмма от мужа, или предоставить отдуваться мне. Похоже, вранье не твой конек.

Лайл подняла глаза, но, несмотря на беспечный тон, взгляд мужа был мрачен и тверд.

– Я два дня провел в разъездах. Мне нужно размяться. – Не сказав больше ни слова, он пошел прочь по аллее.

Глава 6

Лайл спустилась к морю. Она не любила Тэнфилд, но ей нравились скалы у берега. От хвойной аллеи к морю вела тропинка. Деревья расступались, открывая взгляду бухту. Волны плескались на мелководье, подчиняясь капризам солнца и облаков.

Уже полвека назад обрыв вызывал опасения, и хотя до воды было всего пятнадцать – двадцать футов, отец Дейла огородил его низкой каменной стеной. Через проем в стене на пляж вела лестница.

Лайл присела на стену и загляделась на море. Вечернее солнце клонилось за Тэйн-Хед. Пройдет совсем немного времени, и солнце сядет, а тень от скалы, словно след от пролитых чернил, протянется к подножию обрыва, но сейчас вода была чиста и прозрачна, а тень залегла у дальнего конца бухты.

День выдался жаркий, однако с моря дул свежий бриз. Лайл поежилась в своем зеленом льняном платье, но вскоре мысли о разговоре с мужем заставили забыть про холод. Дейл рассердился. Она знала, что он рассердится. Даже если бы она рассказала ему все без утайки, Дейл все равно упрекнул бы ее за побег, дав в полной мере ощутить свой гнев и презрение. Презрение ранило больше всего. Если Дейл будет ее презирать, она и сама станет себе противна. Почему

она не осталась у Крейнов и не ответила на клевету? Глаза медленно наполнялись слезами. Лайл терзал стыд, но сильнее всего был страх, затаившийся в самой глубине души.

Время шло. Чернильная тень успела подползти к берегу, прозрачная синева воды на глазах посерела. Лайл не слышала шагов. Человек, подошедший сзади, медлил, словно не решался позвать ее. Лайл обернулась и увидела Рейфа.

Поверх белой тенниски он набросил свитер. Рейф протянул ей бежевый жакет в яркую красно-зеленую клетку.

– Твой? Ты сумасшедшая. Вчера еле держалась на ногах, а сегодня сидишь на самом ветру!

– Я не замерзла, – сказала Лайл, дрожа как осиновый лист. Рейф соорудил забавную гримаску:

– Хочешь заболеть? А ну-ка надевай жакет. Что с тобой происходит?

– Ничего.

Лайл быстро запахнула теплый жакет – уютные квадратики словно излучали тепло. Дейлу нравились яркие цвета, и Лайл купила этот жакет ради него. Купила скрепя сердце, ей шли пастельные тона. Впрочем, сейчас жакет пришелся весьма кстати. Лайл машинально застегнулась на все пуговицы.

Рейф заставил ее снова присесть на стену, а сам сел рядом, спиной к Тэйн-Хед. Глаза Рейфа блестели, ветер лохматил волосы.

– Ну, рассказывай, детка, что приключилось.

– Ничего.

– Очередная буря в стакане воды? Не волнуйся, детка... – Рейф пропел приглушенным тенорком: – «*Car ici-bas tout passe, tout lasse, tout casse...*»³ У меня в запасе уйма сопливых песенок. Выкладывай, что тебя гнетет. Вчера явилась домой бледная, краше в гроб кладут, и только твое милое личико начало розоветь, как вернулся красавчик Дейл и ты снова раскисла. Что случилось?

– Ничего.

– Перестань! – Рейф схватил ладони Лайл и потряс ими. – Хватит таращиться на меня, как затравленный зверек. Лучше расскажи, что ты натворила у Крейнов.

– Рейф, я правда...

– Правда. И ничего, кроме правды. Поделись со мной правдой – и тебе станет легче. Какая-нибудь досужая сплетница сболтнула, что Дейл был любовником Мэриан? – В глазах Рейфа зажегся опасный огонек. – Это полная ерунда, но ты покорно проглотила наживку и примчалась домой, чтобы подать на развод?

Если Рейф хотел растормошить Лайл, то у него получилось. Она вырвала руки и громко возмутилась:

– Ничего подобного!

– Тогда что? Я жду объяснений, прелесть моя.

– Рейф, не валяй дурака!

– Ты действительно прелесть, – промурлыкал Рейф, – ко-

³ Ибо в мире все непрочно, все прискутит, все пройдет (*фр.*).

гда сама хочешь, а еще когда счастлива. Поэтому мне невыносимо видеть тебя несчастной.

– Рейф, прекрати!

– Для тебя это новость? Меня нелегко раскусить, я умею притворяться. Алисия считает, я терпеть тебя не могу. Разве это не доказательство моей поразительной скрытности?

Лайл напряженно рассмеялась.

– Ты невыносимый болтун!

– Поэтому можешь спокойно мне довериться. Кто слушает болтуна?

– Мне нечего рассказать.

Рейф улыбнулся.

– Придется спросить у Дейла, хотя я предпочел бы услышать все от тебя.

– Рейф, ты зря тратишь время.

– Я? Зря трачу время, прелесть моя? Ты меня недооцениваешь.

– Рейф, мне нечего тебе рассказать! Прошу, не трогай Дейла, это касается Лидии.

Рейф тихо присвистнул:

– Ого! Сколько можно?

– О чем ты?

– Да так, ни о чем.

Опершись руками о камень, Лайл подалась вперед. Солнце позолотило ее светлые волосы.

– Рейф, расскажи о Лидии. Мне проще спросить у тебя,

чем у Дейла.

Смех Рейфа унес порыв ветра.

– Всегда пожалуйста, детка. Лидия не совершила ничего выдающегося, да и прожила недолго, так что рассказ будет коротким.

– Ты хорошо ее знал?

– Еще бы. Я был смышленным сироткой. Мы с Дейлом росли вместе и знали Лидию с детства. Ее отец заработал состояние на торговле дешевыми горшками и сковородками, а тетка была замужем за владельцем Тэллинфорда, еще до старых Моссбагов. Лидия с матерью часто у нас гостили, и у обоих семейств родился план поженить своих отпрысков. Дейлу было только двадцать, но он всегда выглядел старше, а Лидии к тому времени стукнуло двадцать пять. У него был Тэнфилд, у нее – горшки с наличностью. Родственники не могли надышаться на юную парочку.

Глава 7

– Почему Дейл на ней женился? – вырвалось у Лайл, сгоравшей от любопытства. Крохотный портрет Лидии висел в конце длинной галереи. Хмурая бледная женщина в скучном блеклом платье. Почему он на ней женился? Красавчик Дейл!

Лайл жадно всматривалась в Рейфа.

– Не догадываешься? Ей повезло перехватить Дейла на распутье – после того как Алисия дала ему отставку и вышла за Роуланда.

Лайл пронзила дрожь. Неужели? Она выпрямилась, пальцы онемели от холодного камня.

Рейф рассмеялся.

– Ты не знала? Какой же Дейл болван! Если когда-нибудь – не дай Бог! – я женюсь, то весь медовый месяц посвящу рассказам о своих былых похождениях. Люди обожают рассказывать о себе, и я так утомлю свою жену, что до конца жизни ей и в голову не придет спрашивать меня о прошлых романах. Разве не умно я придумал? Список Дейла подлиннее: он старше меня на два года, и девушки всегда вешались ему на шею. Хотя я гораздо привлекательнее, не находишь? Бессердечный Дейл порой и не замечал страданий своих жертв. Он не рассказывал про австралийскую вдовушку, запустившую кувшином ему в голову? Нет? Пикантная история...

– Не болтай глупости, – поморщилась Лайл, овладевшая собой.

– Она же не моя вдова! Я от таких р-р-р-роковых кр-р-расоток держусь подальше. – Рейф принял трагическую позу.

Однако Лайл не поддержала шутки.

– Расскажи о Лидии, о том несчастном случае. Я боюсь спросить Дейла; болтают разное, и порой я чувствую себя полной дурой.

– Говоришь, болтают? – усмехнулся Рейф. – И будут болтать, всем рот не заткнешь. Куда дальновиднее изображать недалекую новобрачную.

– Перестань, Рейф!

– Весьма разумная линия поведения, и большого ума не требует. А знаешь, детка, в тебе и впрямь много невинности: «Ах, не троньте меня, я бедная заблудшая овечка!» Лучшее оружие против злых языков. Так что советую тебе придерживаться этой линии.

– Рейф, перестань молоть чепуху и расскажи мне обо всем.

– О чем именно?

Лайл в волнении сжала руки.

– О несчастном случае с Лидией.

– Детка, тут не о чем рассказывать, – серьезно ответил Рейф.

– Я хочу знать подробности. Кто стоял рядом, сколько вас было?

– Целая компания, но толком никто ничего не знает. Сплошные вопросы без ответов. – Рейф пожал плечами. – Не стоит расспрашивать об этом Дейла.

– Я и не собираюсь! – возмутилась Лайл. – Я спросила тебя! А ты только и знаешь, что дурачиться и увиливать от ответа. Но я не отступлюсь.

– Ах какой напор! – проворковал Рейф. – Говори же, невинное дитя, что хочешь знать?

– Кто там был? Что за компания?

– Дейл, Лидия, Алисия, Роуленд Стейн, пара по фамилии Мэллем и я. Лидия умерла. Роуленд и Мэллем тоже скончались. Остаются Дейл, Алисия, вдова Мэллеме и я. Не хочешь посекретничать с Алисией? Она это любит.

– Предпочитаю услышать историю от тебя.

Рейф нелепо взмахнул рукой.

– Но я уже все сказал! Лидия упала с обрыва и убилась насмерть.

– Насмерть, – дрожащим голосом повторила Лайл. – Она занималась скалолазанием?

– Лидия? Скалолазанием? Нет! Присяжные отправили бы на виселицу негодяя, заставившего Лидию лазать по скалам. Мы не спускали с нее глаз, даже когда она карабкалась на холм размером с муравейник, и поклялись страшной клятвой не позволять ей сходить с тропы.

– Как же она умудрилась разбиться?

– Упала с тропы, – просто ответил Рейф.

Лайл не отрывала он него глаз. Одно слово рвалось наружу, застревая в горле.

– Как?

– Непонятно. Компания разбрелась кто куда, и никто не видел, как именно она оступилась. Тропа там широкая и извилистая – сверху гора, снизу обрыв, кругом цветы. Дамы собирали букеты. Возможно, Лидия потянулась за цветком и потеряла равновесие. Закружилась голова, поскользнулась? Все слышали крик. Когда я прибежал на место трагедии, Дейл стоял над обрывом, Алисия рыдала в стороне, а Мэллемы спешили назад по тропе. – Рейф снова вздрогнул. – Теперь ты знаешь все. А не вдова ли Мэллема вчера на тебя надела? Дейл обмолвился, что Мэриан Крейн ее тоже пригласила. – Он язвительно рассмеялся. – Наверное, поэтому Дейл и придумывал себе срочное дело в Бирмингеме.

– О чем ты, Рейф?

– Ты же ее видела.

– Нет, только слышала! Нас разделяла живая изгородь. Она говорила ужасные вещи про Дейла.

– Ничуть не удивлен. А голос у нее такой, словно оса жужжит в бочонке с патокой, – протяжный, язвительный.

Сравнение было настолько точным, что Лайл едва не улыбнулась.

– А ты не так прост, Рейф.

– Неужто ты во мне сомневалась? «Будь добродетельна, а

ум оставь другим»⁴. Весьма подходящая к случаю цитата, не находишь?

Лайл похолодела, вспомнив попутчицу, которая цитировала Теннисона, – мисс Мод Сильвер, частные расследования.

– На твоём месте, – заметил Рейф, – я не стал бы расстраиваться из-за Эйми Мэллем. Вот тебе ещё одна подходящая к случаю цитата: «Ад не вместит всю отвергнутой женщины злобу»⁵. Она вцепилась в Дейла как утопающая, а он никак не хотел взять в толк, чего ей нужно, вот она до сих пор и бесится, не может ему простить.

Рейф помог Лайл спрыгнуть со стены.

– Пошли домой, холодает. Дейл решит, что я тебя украл.

Они вошли в огромный квадратный холл, особенно нелюбимый Лайл. В середине восемнадцатого века владелец особняка, вернувшись из европейского вояжа, превратил прелестный елизаветинский холл с дубовыми лестницами и тёплыми светлыми панелями в вычурный склеп с ледяным мраморным полом и заставил его хмурыми неприветливыми статуями. Черно-белые ступени поднимались к площадке, где стояла устрашающего вида скульптурная группа «Актеон, терзаемый гончими». Дальше ступени расходились, ведя на галереи, которые тянулись вдоль трёх стен. Здесь статуй было ещё больше: безголовая Медуза, Нерон, Лаокоон, уми-

⁴ Чарлз Кингсли, «Прощание».

⁵ Уильям Конгрив, «Невеста в трауре».

рающий гладиатор. Судя по всему, в интерьере отразилась болезненная тяга мистера Огастеса Джернингема ко всему макабрическому.

Навстречу ей по лестнице спускалась Алисия. Она успела переодеться в белое шифоновое платье с широкой, присборенной на поясе юбкой. Если бы не черная траурная ленточка, ее можно было принять за восемнадцатилетнюю дебютантку. Свои темные кудри Алисия убрала в скромный пучок. Улыбнувшись Лайл, она молча спустилась в холл.

Лайл миновала оскаленные морды гончих, искаженное страданием лицо Актеона и свернула направо. Вспомнив улыбку Алисии, Лайл поняла, что больше всего на свете ей хочется надеть свой лучший наряд и до блеска расчесать волосы. Скинув радужный жакет и переодевшись в светло-зеленое платье, она почувствовала себя лучше. От ярких цветов волосы Лайл тускнели, а лицо казалось осунувшимся.

«И как только мне взбрело в голову его купить?» – подумала Лайл и услышала голос мужа. Он звал ее по имени.

Значит, Дейл больше не сердится! Не помня себя от радости, Лайл выбежала из спальни. В соседней комнате его не оказалось. Лайл вышла на галерею и, перегнувшись через балюстраду, увидела внизу Рейфа с кузиной. До нее долетел отчетливый голос Алисии:

– Что за безвкусный жакет! Хоть бы Дейл научил ее одеваться.

Уязвленная, Лайл отпрянула от перил. Внезапно в кон-

це галереи показался Дейл. Должно быть, он поднимался по лестнице, скрытый статуями.

Подойдя к ней, Дейл спросил, слегка хмурясь:

– Где ты была?

– Сидела у моря. Рейф принес мне жакет.

Снова этот жакет! Теперь она его ненавидела.

Немедленно от него избавиться, кому-нибудь подарить! И тогда она сможет при случае небрежно заметить в духе Алисии: «Жакет? Нелепая вещица, я давно от него избавилась. Не возьму в толк, что заставило меня его купить».

– Не копайся, Алисия уже спустилась, – строго сказал Дейл.

Он по-прежнему злился. Сердце Лайл упало. Она понуро вошла в спальню и закрыла за собой дверь.

Глава 8

Недавно Лайл Джернинхем и представить не могла, что придут такие времена. Хорошими считались дни, когда Дейл на нее не сердился. Терпимыми, когда раздражался лишь немного. Плохими, когда муж без устали разглагольствовал о Тэнфилде и поколениях Джернинхемов, живших тут до них. И ужасными, когда он уговаривал Лайл уломать поверенного мистера Робсона потратить часть ее капитала на то, чтобы оставить поместье во владении семьи.

Когда-то все дни были хорошими, но после того как Лайл неосторожно призналась мужу, что Тэнфилд пугает ее до дрожи, хороших дней становилось все меньше, а плохие выдавались все чаще.

Лайл стремилась угождать Дейлу во всем, и порой тучи рассеивались. Неделя перед поездкой к Крейнам запомнилась Лайл как абсолютно счастливое время.

Лежа в кровати, Лайл вспоминала те дни, стараясь не думать о том, что Дейл стал нежен и предупредителен, когда она составила новое завещание. Да и к чему об этом думать? Она переписала завещание, чтобы порадовать мужа. Других родственников у нее нет.

— Ваш отец предоставил вам право распоряжаться деньгами по своему усмотрению, миссис Джернинхем. Если у вас не будет детей, вы вольны оставить все состояние мужу. Ес-

ли дети появятся, можете доверить ему пожизненное право владения половиной наследства. Или оставить любое другое распоряжение. Я выразился достаточно ясно?

– Да, мистер Робсон.

Поверх головы старика Дейл послал Лайл лучезарную улыбку, растопившую ее сердце.

– Я хочу оставить все деньги мужу, – услышала Лайл свой запинаящийся голос.

Счастье длилось целую неделю. Когда Лайл оглядывалась назад, те дни представлялись ей цветущим садом. Даже несчастный случай на пляже не мог разрушить чар. Ей запомнились руки Дейла, крепко сжимавшие ее, когда она открыла глаза, и его прерывистые возгласы: «Лайл, Лайл, о, Лайл!»

Страхи и сомнения, которыми она поделилась с мисс Сильвер, рассеялись как туман.

Если бы не позорное бегство от Крейнов! Дейл встретил ее поцелуем, но когда узнал о ее поступке, снова замкнулся в себе. За ужином муж ни разу не посмотрел на Лайл, хотя весь вечер шутил и смеялся с Рейфом и Алисией. Когда они поднялись наверх, он сухо пожелал ей спокойной ночи и заперся у себя.

Лайл лежала в резной кровати с пологом и всматривалась во тьму. Кровать напоминала ей катафалк. Лайл терпеть ее не могла, но когда Дейл был нежен, она забывала страхи. Сегодня одинокой и несчастной Лайл казалось, что громоздкая

кровать принадлежит не ей, а поколениям Джернинхемов, которые рождались, женились и умирали в этом доме во времена, когда Лайл ван Декен не было и в помине.

Прямоугольник лунного света, лившегося из незашторенного окна, медленно крался к порогу. Если дверь откроется, луч скользнет в соседнюю комнату... но дверь не откроется, Дейл не придет. Он сухо пожелал ей спокойной ночи и оставил в одиночестве на громадной кровати.

Лайл лежала неподвижно, погружившись в дрему. Луна ушла, и спальню окутал мрак. Около полуночи ее сморил сон.

Дейл в соседней комнате неожиданно проснулся. Обычно он засыпал, стоило голове коснуться подушки, и просыпался не раньше семи. Но сегодня что-то его разбудило. Дейл привстал на локте, прислушался, отбросил одеяло и босыми ногами подошел к соседней двери. Открыв ее, Дейл остановился на пороге. Сквозь незашторенное окно пробивался неверный лунный свет. Массивная кровать темнела в углу словно остров посреди туманного океана. Оттуда доносился жалобный голосок Лайл, звавший его по имени:

– Дейл, Дейл, нет...

Он осторожно прикрыл за собой дверь, подошел к кровати и встал между черными столбиками. В темноте белел смутный силуэт Лайл, слышалось прерывистое бормотание:

– Не нужна мне ваша карточка, я не нуждаюсь в ваших услугах. Не понимаю, как я... потому что Дейл... Дейл ни-

когда бы... Нет, ни за что... Как вы не видите? Это не Дейл, только не Дейл. Я взяла вашу карточку, но не думайте, что я воспользуюсь ею, нет, ни за что!

Лайл вытянула руки, словно пыталась что-то нащупать.

– Она сказала... повезло Дейлу...

Голос задрожал. Лайл откинулась на подушки, судорожно вздохнула, снова вскочила, вырываясь из невидимых пут.

– Несчастный случай... со мной... Она сказала... со мной... как с Лидией... Нет, это не Дейл...

Возгласы перешли в неразборчивое бормотание.

– Нет, нет, это не Дейл, это не может быть Дейл...

Он прислушивался еще некоторое время, а когда Лайл затихла, подошел к комоду и выдвинул верхний правый ящик, где Лайл хранила коллекцию сумочек. В тот день жена вышла в сером – значит, сумочка тоже серая.

Дейл перенес ящик в свою спальню, поставил на кровать и включил свет. Серая сумочка лежала в самом углу. Носовой платок, помада, румяна, пудра, ключи; во внутреннем кармашке – его фотография и карточка. Имя на карточке ни о чем не сказало Дейлу.

«Мисс Мод Сильвер

Частные расследования

Монтегю-Мэншнс, 16

Уэст-Лиам-стрит, Ю.З.».

В спальне Лайл воцарилась тишина. Задвинув ящик, Дейл постоял, прислушиваясь, затем подошел к кровати. Лайл застонала и шевельнулась. Ощувив в темноте чье-то молчаливое присутствие, в первое мгновение она испугалась, но Дейл произнес ее имя, и страх уступил место радости.

– Ты напугал меня, милый, – сонно пробормотала Лайл. Дейл опустился на колени и обнял ее.

– Это ты меня напугала. Ты разговаривала во сне. Приснился кошмар?

– Да, но теперь это не важно.

Рядом с ним ей все было нипочем.

Когда Лайл проснулась, солнце било в окна. Дейл разливал чай. Какая бы кошка ни пробежала между ними вчера, сегодня все забылось. Дейл собирался на аэродром – он обо-
жал полеты. Они болтали о самолетах, о том, как им повезло отдать пустошь под летное поле за хорошую цену. Впрочем, говорил по большей части Дейл; жена тихо радовалась его беззаботности и хорошему настроению.

– Что сказал бы отец, узнай он, что эта пустошь будет приносить прибыль! Войны не избежать, придется правительству выделять субсидии на пшеницу. Во времена моего деда можно было стоять спиной к морю, а впереди, на сколько хватало глаз, колосились поля. Забавно, если старые времена вернуться. Раньше на пшенице сколачивали состояния, но, боюсь, эти негодяи найдут способ урезать наши доходы.

Дейл сидел на кровати, волосы курчавились, глаза сияли.

Пижама в сине-белую полоску оттеняла смуглую кожу, вырез открывал крепкую шею. Лайл с обожанием разглядывала своего героя. Она стыдилась примитивности своих чувств. Женщины всегда по нему сохли, но Дейл им не принадлежал, он был ее – и только ее – собственностью!

– О чем ты задумалась? – рассмеялся Дейл.

– О тебе, – ответила она, и Дейл обнял ее.

– Продолжай в том же духе, потому что нам предстоит важный разговор.

– О чем? – спросила Лайл.

– О Тэнфилде.

У Лайл защемило сердце.

Дейл слегка отстранился, чтобы видеть ее лицо, рука сползла на колено Лайл.

– Я должен ответить Тэтему.

– Понимаю... – пробормотала Лайл.

От решения Дейла зависела судьба их брака. Если он примет предложение мистера Тэтема, они будут жить долго и счастливо. Однако Дейл не смирится с потерей Тэнфилда. Со временем они превратятся в высохших стариков, волочащих неподъемную ношу на вершину крутой горы, – имение высосет из них все соки. Рука Лайл непроизвольно сжалась в кулак, словно хотела удержать что-то принадлежащее им обоим.

До сих пор любой разговор о Тэнфилде отдалял их друг от друга, но сегодня Дейл, хоть и выглядел решительно, не

дулся и не хмурился.

– Цена хорошая, любой на моем месте согласился бы, но что мне чужие мнения? Ты моя жена, Лайл, и если у меня родится сын, ты будешь его матерью. Именно поэтому я пришел к тебе.

Голос Дейла дрогнул.

– Ты не представляешь, как это тяжело! Я выхожу из себя и говорю вещи, которые ранят и пугают тебя. Мы топчемся на месте. Но мы... мы должны попытаться... должны обсудить все спокойно, не ссорясь. Ты должна меня понять.

– Я попробую, – прошептала побледневшая Лайл.

Дейл отвернулся.

– Ты не любишь Тэнфилд. Нет, я не так хотел начать. Чертовски трудно заставить тебя понять! Я не могу найти верных слов, чтобы описать свои чувства. – Он заглянул ей в глаза. – Помоги мне, Лайл, постарайся понять.

– Я стараюсь, – отозвалась она.

– Начну еще раз. Наш род владеет Тэнфилдом так долго, что имение перестало быть нашим. Это как родина – не она принадлежит тебе, а ты ей. Посмотри на портреты в галерее. Все эти люди когда-то жили здесь, многие из них оставили след в истории. Они ушли, а Тэнфилд остался. Он останется, когда уйдем мы и наши сыновья. Неужели ты этого не понимаешь? Перед Тэнфилдом наша жизнь, как и жизнь наших детей, ничтожна. Мы уйдем, уйдут они, а Тэнфилд будет стоять.

Щеки Дейла покраснелись, глаза горели.

Лайл со страхом смотрела на мужа. Она обещала выслушать его, но чем больше она размышляла о словах Дейла, тем больше они ее пугали. Выходит, человеческие жизни – Дейла, ее, их будущих детей – ничего не значат по сравнению с бездушной громадой Тэнфилда, этой бездонной бочкой, куда уходили силы Джернинхемов? Исповедь мужа ужаснула Лайл.

Дейл вскочил, подошел к окну, вернулся. Его взволнованный монолог явно не тронул жену. Бледная как смерть, Лайл затравленно смотрела на него.

– Прости, ничего не могу с собой поделать, – выдавила она.

– Разумеется, ведь ты не разделяешь моих чувств! Лайл, дорогая, разве ты не понимаешь? Бесполезно уговаривать мистера Робсона, пока ты сама не изменишь свои взгляды. Сколько бы ты ни умоляла его выделить капитал на содержание поместья, он не согласится. Робсон чувствует твоё отношение. Если ты не изменишь его, нам не видать этих денег.

Лайл затравленно смотрела на мужа.

– Я попрошу его, Дейл, обещаю.

– Ты уже не раз просила, а что толку? Лайл, ты должна сама захотеть спасти Тэнфилд. Робсона не перехитрить, и пока он не увидит, что это твоё желание, ты его с места не сдвинешь.

Дейл отошел и встал у окна.

Лайл сидела прямо, не опираясь на подушки. Напряжение сковало ее: она пыталась прогнать страх, заставить себя хотеть того, чего так страстно желал Дейл. Ей удастся убедить мистера Робсона, только если ее просьба будет исходить от чистого сердца. Но как заставить себя полюбить то, что пугает до дрожи?

Мягкая и уступчивая по характеру, Лайл никому не позволяла вить из себя веревки. Она отдала бы все на свете, лишь бы Дейл был доволен и счастлив, но в глубине ее души жило непреклонное убеждение, что Тэнфилд выпьет их до дна и сведет в могилу. Тэнфилд – вот главное зло; Дейл лишь его орудие. Она снова пойдет к мистеру Робсону, и он снова ей не поверит, снова поймет, что она говорит с чужого голоса.

Если бы решение зависело только от нее, Лайл давно отдала бы деньги мужу. На миг она испытала злое удовлетворение, что это не в *ее* власти, и внезапно ей стало легче. Лайл перестала с собой бороться и откинулась на подушки.

Дейл отвернулся от окна и подошел к кровати.

– Лайл, дорогая, я совсем тебя замучил! Ты не разлюбила меня, нет? Вижу, что нет, хотя это странно. Обещаю больше не заговаривать на эту тему. Я еще раз все взвешу, и если пойму, что Тэнфилд не удержать, приму предложение Тэтема. Говорят, военное ведомство ищет площади в аренду. В любом случае до конца недели я что-нибудь решу.

Дейл обнял ее, прижался щекой к ее щеке.

– Сегодня я собираюсь полетать, черт, завтра тоже! Но я обязательно напишу Джарвису – пусть разнюхает, каковы наши шансы, – и тогда завтра после обеда – ты подбросишь меня до Ледлингтона? – сяду на поезд в три двадцать. Переговорю с Джарвисом, и если вести окажутся обнадеживающими, с утра отправлюсь в министерство авиации. Как тебе мой план?

Лайл с любовью смотрела на мужа. Сердце пело. Все снова налаживалось.

– План превосходный.

Дейл опустил голову на плечо жены.

– Ты только люби меня, Лайл.

Глава 9

Впоследствии, оглядываясь на тот день, Лайл представляла его светлым пятном посреди бесконечной тьмы, окош-ком, через которое в сумрак комнаты на миг проник солнеч-ный луч. Но когда день был прожит, он стал одним из че-реды непримечательных дней, о которых нечего вспомнить. Безоблачное небо, яркое солнце, штиль на море: часы без-заботно бежали вперед, не принося ни радостей, ни огорче-ний. Дейл вернулся с аэродрома довольный и весь обед бол-тал про самолеты. Рейф появлялся только вечером, Алисия уехала, поэтому они обедали вдвоем. Потом Дейл учил ее плавать. Время пролетело незаметно, и ночью Лайл спала как убитая.

На следующее утро во время завтрака Алисию позвали к телефону. Рейф задумчиво курил сигарету. Он работал кон-структором в самолето-строительной компании, пару лет на-зад купившей у Дейла участок земли под новый завод. Рейф не сводил глаз с циферблата, как обычно оттягивая время ухода на службу.

Алисия вошла в столовую с ухмылкой на губах, упала в кресло и сказала Дейлу:

– Звонила Эйми.

– Какая Эйми?

– А ты знаешь нескольких? Мне и одной многовато. Эйми

Мэллем, дорогой. Она гостит у Кроуфордов и хотела с нами пообедать.

– Как мило, – заметил Рейф. – Я в отчаянии, что придется лишиться такого удовольствия. Зато тебе больше достанется. – Он с неохотой встал и послал Лайл воздушный поцелуй. – Детка, ты еще не знаешь, как тебе повезло. Передай Эйми искренние заверения в моей совершенной преданности.

– Если ты не поторопишься, – заметила Алисия, – опоздаешь на работу.

– Ничего подобного, – заявил Рейф. – Я хожу по краю, но никогда не переступаю границ. Именно так сказал мне в субботу утром старый Мэллеби. Счастливо оставаться, детки, наслаждайтесь жизнью.

Он вышел, не закрыв за собой дверь.

Лицо Дейла перекосила раздраженная гримаса.

– Что ты ей сказала, Алисия?

Она пожала плечами.

– А что я должна была сказать? – И Алисия продолжила издевательски вежливым тоном: – «Великолепно, дорогая! Мы сгораем от нетерпения увидеть тебя, особенно Дейл».

– Не кривляйся! Сегодня ей приезжать незачем. Утром я летаю, а после обеда уеду. Лайл отвезет меня в Ледлингтон, так что, если хочешь, наслаждайся обществом Эйми в одиночку.

Алисия вспыхнула.

– Вот уж нет, дорогой! Эйми не моя подруга.

– Тогда скажи ей, что мы не можем ее принять.

Лайл сидела тихо, не участвуя в разговоре. Эйми Мэллем... На миг имя задержалось на поверхности памяти, затем камнем ухнуло вниз. Женщина за изгородью, оса в паточке! Лайл прошибла холодная дрожь.

Алисия выразительно покачала головой:

– У нас нет выбора. Кроуфорды едут в школу к Джоан, у нее какие-то неприятности, и, понятное дело, Эйми с собой не возьмут. Так что придется ее принять. Раньше часу она не появится, и если ты хочешь успеть на поезд в три двадцать, мы просто выйдем пораньше – скажем, без четверти два.

– Мы?

– Хочешь бросить меня на съедение волкам? – рассмеялась Алисия. – Не выйдет. Кроме того, мне нужно забрать машину из ремонта. Лэнем обещал, что она будет готова после трех. Поброжу по магазинам и вернусь своим ходом.

Алисия обошла вокруг стола, наклонилась к Дейлу и понизила голос до шепота:

– Не упряйся, дорогой. Эйми разочарована, что не повиделась с тобой у Крейнов, и умирает от желания узнать, почему Лайл уехала в такой спешке. Если не удовлетворить ее любопытство, она не отстанет. А если ты ее не примешь, начнет трещать на каждом углу, что ты не разрешил ей увидеться с Лайл.

Слова Алисии предназначались Дейлу, но Лайл все слы-

шала. Неприятное чувство, словно подслушиваешь чужие секреты. Алисия смотрела на нее, Дейл хмурился. Щеки Лайл вспыхнули, она резко вскочила и выбежала вон.

Казалось, ни Дейл, ни Алисия не заметили ее ухода. Лайл не было места на этом поле битвы. Дейл хмурился, но Алисию не смущал его грозный вид. В ее яростном взгляде ясно читалось: «Почему ты боишься Эйми? Ведь боишься, я же вижу. Я могла бы защитить тебя от нее, я ей под стать, только зачем? Ты не дождался меня, выбрал Лайл – теперь пусть она тебя защищает».

Ярость Алисии превратилась в язвительный хохот.

– Смирись с неизбежным, дорогой, она все равно придет. – Алисия привстала на цыпочки и чмокнула Дейла в подбородок.

Все утро Лайл провела в безнадежных попытках набраться мужества перед встречей с Эйми Мэллем. Переодевшись в льняное платье цвета соломы, в тон волос, она взглянула на себя в зеркало и немного приободрилась. Подкрасилась ярче обычного – нечего госте видеть ее бледность. Да и что эта Эйми посмеет сказать, глядя Дейлу в лицо, сидя за его столом? Глупо заранее нагонять на себя страх. Оса увязнет в патоке, и делу конец.

Миссис Мэллем приехала в щеголеватой маленькой машине, одетая броско и ярко. Слишком короткая расклешенная юбка, обтягивающий верх в изумрудно-белую полоску, зеленые туфли и витая повязка на лбу, из-под которой вы-

бывалась копна пышных золотистых волос – чересчур пышных и золотистых, под стать роскошному бюсту и мощным икрам. По контрасту с этим великолепием прочее не могло похвастаться размерами: узкие, близко посаженные глазки неопределенного цвета, тонкие бесцветные губы, бледные одутловатые щеки.

Эйми Мэллем обняла Алисию, схватила Дейла под руку и с ног до головы оглядела Лайл:

– Значит, это и есть новобрачная. Кого прикажете поздравлять?

Тот самый протяжный, увязающий в собственной сладости голос. «Этот несчастный случай был на руку Дейлу».

В первое мгновение Лайл онемела, но скоро уже трясла руку госте. Пухлая ручка в замшевой перчатке вцепилась в ее ладонь.

– Пожалуй, если кого и поздравлять, то Дейла, – протянула Эйми Мэллем.

Другой рукой она все еще сжимала его локоть.

– Впрочем, я опоздала на полгода. Наверняка вы устали от поздравлений.

Дейл улыбнулся госте.

– Я не против, когда мне лишний раз напоминают, как мне повезло.

Эйми Мэллем рассмеялась.

– Ты везунчик, Дейл. И как тебе это удастся?

Ленч прошел весело – по крайней мере для Эйми Мэллем.

Разговаривали в основном Дейл и гостья. Алисия была не в духе, время от времени бросала раздраженные замечания и ела только фрукты.

– Право, дорогуша, тебе незачем худеть, – заметила Эйми Мэллем.

Глаза Алисии скользнули по тарелке гостьи.

– Когда это становится необходимостью, то уже поздно. Я всегда слежу за фигурой.

Миссис Мэллем залилась смехом.

– А вот мне все равно! Обожаю хорошо поесть, и мне безразлично чужое мнение. – Она повернулась к Лайл: – Знаете, я так огорчилась, не застав вас у Крейнов! Я не поверила, когда мне сказали, что вы уехали. А все потому, что в пятницу я сама появилась около полуночи – заскочила к кухне, леди Лоусток, и та уговорила меня остаться на ужин. Неразумно с ее стороны, неосмотрительно – с моей. Мэриан Крейн разозлилась, но я заявила ей: «Мы с Памелой знали друг друга за двадцать лет до нашего с вами знакомства, могла ли я ей отказать?» Вы знакомы с Лоустоками?

– Боюсь, что нет.

– Дейл, уму непостижимо, что ты творишь! – шокированно заметила миссис Мэллем. – Давно пора свести вас со всем местным обществом. Ваш муж не хочет ни с кем вас делить. Однако он обязан свозить вас к Памеле Лоусток; милейшее существо, старинная приятельница Дейла. Когда-то... впрочем, не стоит вытаскивать эти древние истории на свет бо-

жий.

– Почему бы нет, Эйми? Старые истории тем и хороши, что их некому опровергнуть, – хмыкнула Алисия и тут же схлопотала шаловливый шлепок и кривую улыбочку от гостыи.

– Тебе бы все шутить, дорогуша!

Затем миссис Мэллем повернулась к Лайл.

– Если покажете мне сад, обещаю рассказать вам обо всех старых увлечениях Дейла.

Впрочем, этого удовольствия Лайл удалось избежать. Когда подали кофе, Дейл объявил, что спешит на поезд, а Лайл и Алисия обещали довезти его до города.

Миссис Мэллем ничем не выказала своего огорчения. Очаровательно улыбнувшись Лайл, она спросила, может ли подняться наверх.

– Привести себя в порядок, дорогуша.

Если Дейлу и хотелось предотвратить этот опасный тет-а-тет, он был вынужден отступить. Вместо того чтобы броситься ему на помощь, Алисия саркастически подняла бровь и скрылась за дверью собственной спальни, и Дейлу пришлось наблюдать, как три дамы поднимаются по черно-белым мраморным ступеням на галерею, откуда до него долетел восторженный возглас Эйми Мэллем:

– Ах, на свете нет места, равного Тэнфилд-Корту!

Миссис Мэллем повторила свою реплику, пудря носик в спальне Лайл. Спальня целиком отражалась в большом зер-

кале. Несмотря на три высоких окна, тут всегда царил полумрак. Громадный гардероб красного дерева занимал противоположную стену, подавляя все вокруг словно утес на равнине. Темные панели не отражали свет, а словно впитывали его. Между дверями возвышался массивный комод. Неразрушимый ковер времен королевы Виктории, некогда коричневый с зеленью, стерся до неопределенного тусклого цвета. Те же цвета повторялись в выцветших узорах камчатных гардин. Следы былой роскоши только подчеркивали нынешней упадок.

Миссис Мэллем повернула припудренный носик к хозяйке.

– Дорогуша, почему вы не возьмете дело в свои руки? Комната прелестна, но подходит разве что вашей прабабке. Неужели вам не надоел цвет вареной говядины со шпинатом?

Слова гостьи покорили Лайл, но в глубине души она не сердилась на Эйми Мэллем. Лайл успела привыкнуть к тягучему выговору гостьи, да и впечатления от слов, услышанных за изгородью, успели потускнеть. Миссис Мэллем оказалась записной сплетницей, назойливой и невоспитанной, но именно поэтому ее словам и не следовало доверять.

– Да, комната старомодная, – с достоинством ответила Лайл, – но в этом особая прелесть. Тэнфилд-Корт – старинный особняк; к тому же Дейл вряд ли позволит что-то менять.

Эйми Мэллем умела смеяться, не разжимая губ. Они растягивались в узкую кривую полосу, а из груди раздавалось квохтанье, словно булькала вода в закрытой бутылке. Нет, не вода, патока.

— По крайней мере кое-что Дейл уже поменял. Вы не знали Лидию? Ах что это я... разумеется, нет — вам, должно быть, исполнилось лет десять — двенадцать, когда она умерла.

— Возможно, — бросила Лайл, желая сменить тему разговора, но не зная как.

Эйми Мэллем сузила глаза.

— До сих пор не понимаю, почему он на ней женился. За Дейла пошла бы любая. По нему сохла моя кузина Памела Лоусток. О, вам не о чем беспокоиться — теперь она всей душой предана Джошу. «Бесподобное пиво Лоусток», не слышали? Денег куры не клюют. Но тогда она была бедна как церковная мышь, а Дейлу требовалась невеста со средствами. Я всегда говорила, Тэнфилд — чудовище, требующее бесконечных жертвоприношений.

Миссис Мэллем хохотнула.

— Ему нужны все новые юные девственницы. Джернинхемы всегда женились на деньгах. А Тэнфилд проглатывал их и просил добавки.

Лайл разрывалась на части: в ней боролись негодование и сочувствие словам гостьи.

Побледнев и сжав губы, она заметила:

— И впрямь звучит пугающе. Так вы готовы? Мы можем

идти?

Глава 10

Дейл заявил, что в Ледлингтон их отвезет Лайл, но в результате сам уселся за руль. Автомобиль принадлежал Лайл, но, как большинство хороших водителей, Дейл терпеть не мог празднично сидеть в пассажирском кресле. Лайл вздохнула с облегчением. Она хотела уступить Алисии место на переднем сиденье, но Дейл раздраженно буркнул:

– Еще чего, это место – твое!

Лайл без лишних слов села рядом.

Алисия хлопнула дверцей чуть сильнее, чем требовалось. Поверх льняного платья без рукавов она надела жакет в яркую черно-белую клетку и повязала черные кудри белым шарфом. Щеки Алисии горели, глаза метали молнии. Лайл порадовалась, что ей не придется везти Алисию домой.

Дейл с трудом отделался от Эйми Мэллем, заявившей на прощание, что он делает из мухи слона – до поезда времени хоть отбавляй. Автомобиль еле тащился вверх по извилистой проселочной дороге от деревни Тэнфилд до Ледлингтон-роуд.

– Мы что, едем на похороны? – съязвила Алисия.

Хмурый Дейл не удостоил ее ответом.

Спустя некоторое время он резко спросил Лайл:

– Когда ты в последний раз на ней ездила?

– Вчера.

– Не заметила ничего странного с рулевым управлением?

– Нет. Что-то серьезное?

Дейл продолжал хмуриться.

– Не знаю, машина странно себя ведет на подъеме. Будь осторожнее на обратном пути. Пусть Эванс ее проверит. Вот когда вспомнишь добрым словом Пелла.

– Эванс... – начала Лайл, но сочла за благо прикусить язык.

– Эванс – шофер, а не механик. Вряд ли ты поймешь разницу. Женщины ничего не смыслят в технике. И зачем я рассчитал Пелла!

– Дорогой, ты же не мог допустить, чтобы он продолжал свои шашни с деревенскими! – рассмеялась Алисия. – По крайней мере пока Лайл тут живет.

Лайл выпрямилась и заметила, подчеркнуто обращаясь к Дейлу:

– Ты сам принял решение. Коулы – твои арендаторы. После того как мисс Коул пожаловалась, что Пелл не дает проходу Сисси, ты сам сказал, что ему тут не место.

В ответ Лайл получила сердитый взгляд, но не сдалась. Муж ревностно относился ко всему, что касалось Тэнфилда и арендаторов. А Пелл был пришлым. Да и Алисии не следовало вступать не в свое дело.

– Как же меня раздражают эти неполадки с рулевым! – прорычал Дейл.

– Вчера все было отлично, – невозмутимо сказала Лайл.

Неполадки с рулевым управлением ее не тревожили. Дейл привык к большим автомобилям, дамские машинки его угнетали. Муж всегда находил, к чему придраться: то к зажиганию, то к тормозам. Лайл и сама отлично водила, но механика ее не интересовала. Сейчас Лайл больше угнетала ворчливость Дейла, чем неполадки.

– Да ерунда все это! – заявила Алисия, уже не дразнясь, но снова не получила ответа.

Дейл разглагольствовал о вождении вообще и об автомобиле Лайл в частности всю дорогу до станции, раздраженный скорее хозяйкой машины, чем самой машиной. Под конец Лайл и сама поверила, что виновата в проблемах с рулевым управлением. Выходит, будь у нее машина поновее, Дейл перестал бы злиться. И впрямь, почему бы не купить новую модель, ведь денег достаточно? Однако Лайл упрямо продолжает водить этот несносный драндулет – это ли не доказательство ее скверного характера? Ничего из этого не было сказано вслух, но отчетливо прозвучало в тоне, доставив Алисии на заднем сиденье немало веселых минут.

Однако когда они приехали на станцию, настроение Дейла изменилось. Он крепко сжал руку Лайл.

– Женщины не смыслят в автомобилях, а ты хуже их всех, вместе взятых.

На сей раз упрек был высказан с нежностью. Лайл просила:

– Я знаю, милый!

– Я беспокоюсь за тебя, дорогая. Отгони машину к Лэне-му, не тяни.

– Да, но...

– Сделай это ради меня.

Дейл отпустил ее руку и чмокнул Лайл в щеку.

– До завтра! – крикнул он на прощание, помахав Лайл и Алисии рукой.

Лайл смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Очевидно, для Алисии это стало последней каплей. Не успел автомобиль двинуться с места, как она заметила приторно-сладким тоном:

– Я вижу, тебе нравится, когда с тобой нянчатся. Меня чуть не стошнило! «Дорогая, ты ничего не смыслишь в автомобилях!» – Алисия понизила голос, на редкость умело копируя манеру Дейла. – Мужчине, который посмел бы так со мною сюсюкать, не поздоровилось бы.

«Да ты бы все отдала, чтобы Дейл сказал это тебе!» – подумала Лайл, но промолчала.

Она аккуратно выехала со станции и свернула направо, к гаражу Лэнема. Поскорей бы избавиться от Алисии! Лайл считала минуты. Нет, она не станет отвечать на ее колкости. Дейл придет в ярость, если узнает, что они сцепились с Алисией. Нет, Лайл высадит ее у гаража и тут же уедет.

Хотя Дейл и велел ей проверить машину.

Все равно она и лишней минуты не задержится рядом с Алисией! Эванс посмотрит машину дома. Дейл не заметит

разницы.

Алисия между тем не закрывала рта:

– Ты так и будешь всю жизнь цепляться за мужчин? Неужели ты не способна сама о себе позаботиться? Что течет в твоих венах: кровь или водичка? Разбавленное водой молоко, не иначе. Думаешь, Дейл способен довольствоваться такой смесью? – Алисия с горечью рассмеялась. – Почему ты молчишь? Не хватает духу послать меня к черту?

Лайл остановила машину прямо перед открытыми воротами гаража и вышла, бледная, но спокойная. Затем подошла к задней дверце, открыла ее и дождалась, пока Алисия выйдет.

Несколько мгновений они стояли рядом, напряженные, без кровинки в лице. Алисии бледность не шла, выдавая возраст, делая заметнее круги под глазами. Лайл, напротив, выглядела очень юной, душераздирающе юной, словно нашалившее дитя, искренне не понимающее, за что его бранят.

– Ты уверена, что твоя машина готова? Я могу тебя подождать.

Алисия вспыхнула.

– Лучше подожди свою – мою уже починили.

Лайл не ответила, села в машину и уехала.

Глава 11

Отъехав с полмили, Лайл остановилась и опустила верх кабриолета. Именно из-за складной крыши ей не хотелось расставаться со старым автомобилем. Ей нравилось ощущать над головой чистое небо. Лайл складывала верх, только когда ехала одна или с Рейфом. Ей нравилось, как ветер лохматит волосы, а в вышине проплывают облака и аэропланы.

Сев за руль, Лайл успокоилась. Дейл уехал в Лондон. Алисия? С глаз долой, из сердца вон. Лайл вновь обрела свободу, ветер и солнце принадлежали только ей. Она свободна, как дитя, вырвавшееся из-под присмотра, свободна в мыслях и поступках.

Лайл не спеша ехала по ровной дороге. По обеим сторонам расстилались поля с редкими фермами и рощами. Небо сияло безоблачной голубизной. Встречный поток воздуха шевелил волосы. Вдали синело море, но вскоре его скрыла высокая насыпь. Лайл предстоял спуск к деревне. Поначалу дорога шла полого, затем делала петлю и после поворота круто ныряла вниз.

Она успела забыть про неполадки в рулевом управлении, как вдруг на середине поворота раздался щелчок и руль вырвался из рук. Автомобиль развернуло, и он понесся вниз с холма, подпрыгивая на неровной земле. Приближался правый поворот, но машину несло прямо на стену сарая Купе-

ров. После того как однажды ночью в нее врезался потерявший управление автомобиль, стену выкрасили белым. Лайл не могла оторвать глаз от белого пятна. Той ночью машина разбилась вдребезги, водитель погиб. Она попыталась вернуть руль, но руль не слушался. Лайл распахнула дверцу и прыгнула.

Стоявший за поворотом Рейф Джернингем успел заметить, как автомобиль врезался в стену, и, не чуя под собой ног, бросился к сараю, уверенный, что Лайл погибла. За спиной слышался топот ног перепуганных Куперов.

Машина напоминала раздавленную игрушку, но водительское место пустовало. Кровь гремела в ушах. Рейф шумно вдохнул и бросился вниз по склону.

Лайл лежала лицом вниз, раскинув руки. Она упала в канаву, в пышные заросли болиголова. Рука, сжимавшая пучок травы, шевельнулась.

Рейф упал на колени рядом с ней.

– Лайл!

Она была жива. Лайл привстала. Они стояли на коленях друг против друга. На побелевшем лице Лайл краснела свежая царапина. Серые глаза смотрели на Рейфа, не видя его. Рейф с тревогой вглядывался в лицо Лайл.

– Ты ранена?

– Нет... я не знаю... я решила, что мне конец...

– И я.

К месту происшествия сбежалась вся деревня: Куперы,

почтмейстерша мисс Коул, ее племянница Сисси, портниха, Джеймс, брат мисс Коул, владелец лавки, пекарь мистер Мэггс, престарелый мистер Обадайя Крисп, а также толпа юных Криспов, Коулов, Куперов, связанных между собой сложной цепью свойства и родства. Все были перепуганы, возбуждены, преисполнены сочувствия и любопытства. Их слегка разочаровало, что Лайл ничего не сломала. Однако миссис Купер со знанием дела заметила:

– Иногда переломы проявляются не сразу.

Лайл, сидя на траве, смягчившей падение, ощупывала себя и без конца повторяла дрожащим голосом:

– Не беспокойтесь, со мной все хорошо.

Рейф выловил в толпе мисс Коул и попросил:

– Пожалуйста, позвоните в усадьбу, пусть пришлют Эванса на другой машине, да поскорее.

– И как только ее угораздило? – удивленно спросила Сисси Коул, переводя взгляд с тетки на Лайл.

«Девушки вроде нее вечно устаются в пол, будто ты с ними заигрываешь», – мелькнуло в голове Рейфа. Ему не нравилась Сисси – высокая тощая девушка, грубое подобие Лайл, и к тому же неряшливая. Заправив за ухо соломенную прядку, Сисси скорбно пробубнила:

– И как только ее угораздило?

Этот же вопрос, но в других выражениях, задал ей Рейф спустя пару часов после аварии. Лайл отказалась лечь в постель и запретила себя опекать. Сменив безнадежно испор-

ченное платье, Лайл устроилась в глубоком кресле на лужайке, откуда открывался вид на Тэйн-Хед, и в одиночестве пила чай. Здесь было тихо и хорошо. «А главное, нет Алисии», — думала Лайл.

Рейф присел на табурет у ее ног и спросил:

– Черт подери, что это было?

– Что-то случилось с машиной на повороте.

– Что именно?

– Руль перестал слушаться.

– А раньше ты ничего не замечала?

– Дейл заметил.

Рейф передернул плечами и отвернулся.

– Дейл? Что именно он заметил?

Лайл всхлипнула.

– Он рассердился – сказал, что барахлит рулевое...

Рейф перебил:

– Кто вел машину – ты или он?

– Дейл. Он ненавидит сидеть рядом с водителем. Дейл велел мне проверить машину у Лэнема.

– Дейл велел тебе проверить машину, а ты не послушалась? Почему?

– Не захотела... – Лайл покраснела.

– Но почему?

– С нами была Алисия. Приехала за своей машиной. Она пыталась завязать ссору, а я не хотела ссориться.

Рейф пытливо всматривался Лайл в лицо.

– По-твоему, лучше угодить в аварию, чем поссориться?

– Я же не думала, что все кончится аварией! Дейл хотел, чтобы машину осмотрел Эванс, а уходя, велел мне ехать к Лэнему. – Лайл нервно усмехнулась. – Откуда мне было знать, что все так серьезно?

Рейф обхватил руками колени. В светлых брюках и белом свитере, небрежно накинутом на плечи, он казался смуглее обычного. Темные волосы курчавились над ушами слегка вытянутой формы.

– Из-за чего вы с Алисией поссорились?

– Я не ссорилась. Рейф, почему она меня ненавидит?

– Неужели не догадываешься? – Рейф тонким голоском пропел: – «Не презирала б так тебя, не будь ей он милей»⁶.

Лайл густо покраснела.

– Прекрати, Рейф.

Он рассмеялся.

– Тоже мне тайна! Причина *ее* ненависти стара как мир, прелесть моя, – Алисия тебя ревнует. А если ты и дальше собираешься изображать святую простоту, я скажу к кому.

Лайл насупилась, однако с детской прямоотой встретила его насмешливый взгляд. Вечно этот Рейф дразнится... Хотя, возможно, именно поэтому с ним легко болтать обо всем на свете. И никаких тайн, никаких подводных камней и зыбучих песков – лишь чистая прозрачная вода.

⁶ Рейф перефразирует строчку Ричарда Лавлейса из стихотворения «К Лукасте, уходя на войну».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.